

Меня зовут Лэ-Лэ, мне пять лет. Недавно я обнаружил, что у папы Шэня есть секрет: он — настоящий ревнивец. Причем такой, который снаружи сохраняет полную невозмутимость, а внутри буквально кипит от ревности.

Все началось на прошлой неделе. В отдел папы Гао Ту пришел новый сотрудник, дядя Линь. Он улыбался так, что были видны клыки, умел показывать фокусы и при первой же встрече сложил для меня из бумаги прыгающую лягушку.

Сегодня дядя Линь заглянул к нам домой, чтобы передать документы и заодно показать папе Гао Ту, как пользоваться новой офисной программой. Они сидели перед компьютером в кабинете, плечом к плечу. Папа Шэнь делал вид, что читает отчеты в гостиной, но на самом деле за десять минут трижды посмотрел на часы.

— Эта функция очень полезна, — голос папы Гао Ту звучал с восторгом первооткрывателя.

Дядя Линь улыбнулся:

— Я могу показать тебе еще более быстрый способ...

Папа Шэнь внезапно поднялся, чтобы заварить чай. Он вошел в кабинет и поставил чашку на стол, произнеся тоном, каким обычно докладывают о делах:

— Пейте.

Чашку он поставил ровно посередине стола, как раз между папой Гао Ту и дядей Линем.

После обеда дядя Линь заговорил о грядущем корпоративном выезде:

— Брат Ту, слышал, ты отлично поешь? В этот раз обязательно должен выступить.

Папа Шэнь как раз чистил яблоко, и нож в его пальцах описал изящную дугу:

— На выходных ему нужно сопровождать Лэ-Лэ на плавание.

Я было открыл рот, чтобы что-то сказать, но мне тут же сунули в рот дольку яблока.

Самое интересное было впереди. Когда дядя Линь уходил, папа Гао Ту провожал его до самой двери. Папа Шэнь, держа меня на руках, стоял у окна, якобы любуясь видом, а на самом деле внимательно следил за тем, что происходит у входа.

— Они прощаются, — вел я репортаж в реальном времени. — Дядя Линь похлопал папу Гао Ту по плечу...

Губы папы Шэня сжались в тонкую линию.

— Теперь он смеется...

Руки, державшие меня, слегка напряглись.

— Дядя Линь ушел, — наконец объявил я.

Папа Шэнь как ни в чем не бывало опустил меня на пол и направился в кабинет работать. Но в тот вечер он случайно убрал чашку, к которой прикасался дядя Линь, на самую нижнюю полку дезинфицирующего шкафа.

За ужином папа Гао Ту упомянул, что едет в командировку вместе с дядей Линем. Папа Шэнь, который как раз собирался положить ему в тарелку кусочек еды, замер, но тут же взял себя в руки:

— Скинь мне номер рейса.

— Не нужно встречать, — сказал папа Гао Ту, — компания все организовала.

Папа Шэнь не спеша вытер рот салфеткой:

— Мне по пути.

Я ковырял палочками рис в своей тарелке и вспоминал Сяо Мэй из детского сада — она тоже никому не позволяла играть со своей лучшей подругой.

Перед сном, во время чтения сказок, папа Шэнь рассеянно читал «Знаешь, как я тебя люблю», но постоянно сбивался на «Правила маленького кролика». Папа Гао Ту, прислонившись к дверному косяку, тихо посмеивался, пока его не поймал папа Шэнь.

— Очень смешно? — Папа Шэнь закрыл книгу.

Папа Гао Ту подошел и непринужденно сел рядом:

— Кто-то ревнует?

— Нет.

— Линь Чжэ женат, у него уже трехлетний ребенок.

Уши папы Шэня слегка покраснели, но голос оставался твердым:

— Меня это не касается.

Я посмотрел на одного, потом на другого, и меня внезапно осенило: неужели папа Шэнь боится, что папу Гао Ту у него отберут?

Оба взрослых замерли.

Папа Гао Ту первым рассмеялся и потянул папу Шэня за щеку:

— Так вот о чем беспокоится наш господин Шэнь?

Папа Шэнь отвел взгляд, но украдкой сжал его руку.

На следующий день ревность папы Шэня проявилась иначе. Он подготовил для папы Гао Ту новые офисные принадлежности: ручку с именной гравировкой Шэнь Вэньлана, чехол для телефона с функцией геолокации и фоторамку, полную его снимков.

— Это еще зачем? — Папа Гао Ту не знал, смеяться ему или плакать.

— Демонстрация прав собственности, — невозмутимо ответил папа Шэнь.

Теперь рабочее место папы Гао Ту было заставлено вещами папы Шэня. А когда дядя Линь снова приходил обсудить работу, он всегда старался держаться на безопасном расстоянии.

Сегодня за ужином я намеренно сказал:

— Дядя Линь сегодня похвалил папу Гао Ту, сказал, что он очень умный.

Папа Шэнь положил мне в тарелку кусочек моркови:

— Во время еды не разговаривают.

Папа Гао Ту легонько пнул его под столом, и в уголках его глаз заиграла улыбка.

Когда лунный свет просочился в окно, я услышал тихий шепот из главной спальни:

— Ты же прекрасно знаешь, что я вижу только тебя.

— Знать-то знаю...

— Ну и дурачок...

Я обнял свою игрушечную морковку и перевернулся на другой бок. Оказывается, даже самые

сильные взрослые в любви превращаются в тревожных малышей. А лучшее лекарство — это тысячи раз убедиться, что я здесь, я рядом и никуда не уйду.

Как и ревность папы Шэня — она никогда не была признаком недоверия, просто он слишком сильно дорожил тем, что имел.

<http://bllate.org/book/18624/1793084>